

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-5-23-34>

Психология нанесения татуировок как адаптивное и аддитивное поведение

Елена А. Макарова^{1, *}, Иван А. Тищенко²

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Российская Федерация

* makarova.h@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена феномену модификации тела, малоизученному в российской психологической литературе. Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, дается теоретический обзор исследований российских и зарубежных авторов, согласно которым получение татуировки может быть рассмотрено как адаптивное поведение или зависимость от процесса (аддитивное поведение). Новизна исследования заключается в получении данных и рассмотрении агрессивных и аутоагрессивных паттернов поведения при нанесении татуировок, а также их зависимость от детско-родительских отношений респондентов. В разделе **«Методы»** рассматриваются методы исследования и диагностический инструментарий, а также социально-демографические характеристики респондентов. Наряду с использованием опросников для выявления агрессивных и аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем, для проведения исследования была использована авторская анкета. По **Результатам** эмпирического исследования были выявлены не только мотивы для модификации тела, но и функции, которые татуировки выполняют для временного облегчения и адаптации респондентов. Функции татуировок были объединены в пять стратегий: татуировки как средство контроля, перенос эмоций (позитивная эмоциональная регуляция), якорь\маскировка, стратегия самоповреждения/копирования и алекситимия. Также были определены маркеры для выявления аддитивного поведения. В разделе **«Обсуждение результатов»** приводится мнение исследователей, которые рассматривают помимо различных мотивов для нанесения татуировок, значение татуировок для поведения респондентов, включая то значение, которое придается татуировкам в обществе. Приводятся рекомендации, которые предлагают психологу определенное поведение при столкновении с сильно татуированным клиентом для оказания помощи в решении его психологических проблем. В разделе **«Заключение»** дана интерпретация полученных в ходе исследования результатов, были выявлены общие черты личности, в том числе высокая потребность в уникальности и низкая потребность в соответствии (конформности), а также сделаны рекомендации психологу по использованию альтернативных средств коммуникации через визуальные образы.

Ключевые слова

модификация тела, адаптивное поведение, аддикция, аутоагрессия, суицид, идентичность, самоидентификация

Для цитирования

Макарова, Е. А., Тищенко, И. А. (2022). Психология нанесения татуировок как адаптивное и аддитивное поведение. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 5(5), 23–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-5-23-34>

Research article

UDC 159.9.07

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-5-23-34>

Psychology of tattooing as adaptive and addictive behavior

Elena A. Makarova^{1,*}, Ivan A. Tishchenko²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation

* makarova.h@gmail.com

Abstract

The article considers the body modification phenomenon as not being studied enough in Russian psychological literature. The **Introduction** substantiates the relevance of this study and gives a theoretical review of studies by Russian and foreign researchers. According to it getting a tattoo can be described as an adaptive behavior or dependence on the process (addiction). The study is novel in obtaining data and exploring aggressive and autoaggressive behavior patterns while getting tattoos and their relationship with the parent-child relationship of respondents. The «**Methods**» section discusses the study inventory and the respondents' socio-demographic characteristics. Along with applying the questionnaires to identify aggressive and autoaggressive patterns and their predictors in the past and present, we made our questionnaire to conduct the study. According to the study **Results**, not only the motives for body modification are identified, but the functions that tattoos perform for temporary relief and respondents' adaptation. The tattoo functions were grouped into five strategies: tattoos as a tool of control, emotions transfer (positive emotional regulation), anchor/masking, self-harm/coping strategy and alexithymia. In the «**Discussion**» section, the opinion of scientists is given, which considers not only the various motives for getting tattoos, but the tattoo significance for the respondents' behaviour, given the importance attached to tattoos in society, and also provides recommendations that suggest the psychologist's the behaviour strategy when faced with a heavily tattooed client to assist in his psychological problems solving. In the «**Conclusion**» section, the results obtained interpretation is given, and common personality traits are identified, including a high need for uniqueness and a low

need for conformity. Recommendations are made for the psychologist's use of communication alternative means through visual images.

Keywords

body modification, adaptive behavior, addiction, autoaggression, suicide, individuality, self-identification

For citation

Makarova, E. A., Tishchenko, I. A. (2022). Psychology of tattooing as adaptive and addictive behavior. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 5(5), 23–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-5-23-34>

Введение

«Наши раны напоминают нам, где мы были, но они не должны указывать, куда мы направляемся» (J. Davis, R. A. Dunkle, 2009, *The Slave of Duty. Criminal Minds*).

На протяжении веков, субкультуры, начиная от древних воинов и заканчивая маргиналами общества, организовывались вокруг символов, выгравированных на их коже. Татуировки рассматриваются как ритуальные, постоянные и определяющие символы. Они существуют как невысказанный символический язык, который отражает переживания человека посредством закодированных сообщений, скрытых образов под слоями одежды. По мере того, как общество становится все более восприимчивым и терпимым к татуировкам, нанесение татуировок быстро становится популярным явлением среди людей всех социально-демографических слоев. Следовательно, число людей, которые выражают себя через символизм в татуировках в ущерб себе, также может увеличиваться. Таким образом, более глубокое понимание растущей популярности татуировок и концепции приобретения татуировок как адаптивного поведения или зависимости от процесса может оказаться полезным и иметь значение с точки зрения выработки стратегий профилактики. Рост популярности татуировок повысил качество как самих художников, многие из которых имеют художественный опыт, так и расходных материалов, связанных с процессом, таких как чернила, пигменты, машины и средства по уходу (Барановский, 2001). Массовая популярность татуировок в средствах массовой информации «служит для оправдания татуировок, населяя этот мир татуированными людьми», однако, стигматизация татуированного человека сохраняется среди населения в целом (Бацанова, 2013).

Существует мнение, что люди, стремящиеся нанести на тело татуировку, неуверенны в себе, склонны к глубокому самоанализу, имеют причудливое мировоззрение, а значит, такая модификация тела может являться индикатором личностной дисгармонии, возможно, имеющей результатом аутоагрессивные попытки и суицидальные устремления личности. Исследования отмечают корреляцию между татуировками и неконтролируемым гневом, психологической дисфункцией и даже «возможными маркерами самоубийства или смерти в результате несчастного случая», так как ошибочно ставят знак равенства между наркоманами и людьми с татуировками (Медникова, 2007).

Западная культура предполагает, что поведение взрослого уходит своими корнями в детство. В клинически обоснованной модели незрелости развития П. Меллоди (Mellody, 2003) постулирует, что природа ребенка при рождении – это драгоценное эго-состояние, в том

смысле, что дети рождаются такими, какие они есть; рассчитывают на защиту и совершают ошибки, поскольку окружающие считают их несовершеннолетними и незрелыми; зависят от других в своих потребностях и желаниях, а также нуждаются в руководстве, воспитании и формировании. Дети обретают чувство идентичности, усваивая и интроецируя восприятие и убеждения родителей и других значимых для них взрослых о ребенке. Для того чтобы дети выросли зрелыми взрослыми в функциональном смысле, каждая черта характера должна быть развита родителями или опекуном. Современная семейная жизнь может быть напряженной, с различными нагрузками на семью – это не всегда легко. В том случае, когда родители применяют авторитарный стиль воспитания, доминируют и чрезмерно опекают своих детей, они лишают их инициативы, ограничивают самостоятельность и не дают взрослеть. В результате таких детско-родительских отношений появляется напряженность в отношениях, враждебность и протест со стороны ребенка (Шнырёва, 2009).

Любое поведение взрослых, в которое не включена забота и поддержка, определяется как травма, которая может вызвать незрелость, задержку в развитии, в равной степени формируя отношения ребенка к себе, другим людям и их окружению. Дети могут расти физически и хронологически, но при этом все еще оставаться детьми, и именно эти раны определяют их вертикальное, а не горизонтальное взрослое поведение (Новгородова, 2017). Люди, травмированные отношениями в семье, исходя из идеи врожденной самооценки, испытывают трудности с ней, не умеют защищать себя, понимать свои потребности и желания, и жить с умеренностью во всем. Если у человека нет уважительных, утверждающих отношений с самим собой, отношения с другими автоматически становятся дисфункциональными и неадекватными. Такие люди склонны к развитию у них зависимостей, расстройств психики и физических заболеваний (Бекетова, 2016; Воробьева, 2016). Согласно этой модели, проблемы с зависимостью обычно проявляются как попытка смягчить нежелательную реальность, напряженность, или облегчить боль и страдания. Признается, что любое вещество или процесс, воспринимаемые как «облегчающие страдания», может привести к зависимости. Таким образом, зависимость рассматривается как симптом незрелости в развитии, вследствие детской травмы (Курочкина, Петрушина, 2013).

Методы

Сегодня все так же нет ясного представления о связи феномена аутоагрессии и нанесения татуировок. Что это – безобидный поведенческий паттерн; поведение, имеющее в своей основе некие, значимые для суицидологической практики причины, требующие углублённого изучения; адаптивное поведение, помогающее справиться с жизненными проблемами и детскими травмами; или своего рода аддикция, стремление испытывать ощущения боли снова и снова?

Цель исследования: изучение адаптивного и аддиктивного поведения лиц, имеющих татуировки.

Основной задачей исследования является проверка гипотезы связи наличия татуировок и склонности к аддиктивному поведению, выяснение их психологического предикативного значения.

Обследовано 18 молодых людей (юношей и девушек), имеющих на своём теле хотя бы одну татуировку (средний возраст – 27 ± 2 года). В качестве контрольной использована репрезентативная группа с аналогичными возрастными и социально-демографическими характеристиками. Потенциальные связи между путями индивидуального развития, травмами

и татуировками были также выявлены в исследовании, которое было проведено в 2021–2022 гг. Исследование включало тематический анализ интервью с сильно татуированными людьми, которые идентифицировали себя как коллекционеров, эстетически преданных идее. Цель исследования состояла в том, чтобы получить представление о том, как приобретение татуировки может отражать процесс зависимости с точки зрения представления навязчивой модели поведения в ущерб себе и своему здоровью. Интервью (с использованием авторской анкеты) были проведены с десятью татуированными взрослыми любителями, а также с экспертами-профессионалами ($n = 3$) в возрасте от 20 до 47 лет, различающимися по культуре, полу, профессии, сексуальной ориентации и социально-демографическому происхождению. Диагностический инструмент составили опросники для выявления агрессивных и аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем (Ионина, 2019); исследование аутоагрессивных тенденций и факторов, формирующих суицидальные намерения: «Выявление суицидального риска» (А. А. Кучер, В. П. Костюкевич); методика для выявления аддиктивного характера: «Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей» (Г. В. Лозовая); а также авторская анкета для проведения интервью. Математическая обработка данных была проведена с помощью программы SPSS-Statistics V26.

Результаты

Полученные данные позволяют констатировать невысокую аутоагрессивную активность в изучаемой группе: суицидальная попытка отмечалась только у одного участника, суицидальные мысли в анамнезе зафиксированы у двух участников (в контрольной группе соответственно – 0 и 0). Однако участники экспериментальной группы значимо чаще обнаруживали депрессивные эпизоды (30 %), безысходность (10 %), навязчивый стыд (16,6 %), часто употребляли алкоголь (43,3 %), были склонны к рискованным модусам поведения (54,8 %) (Рис. 1).

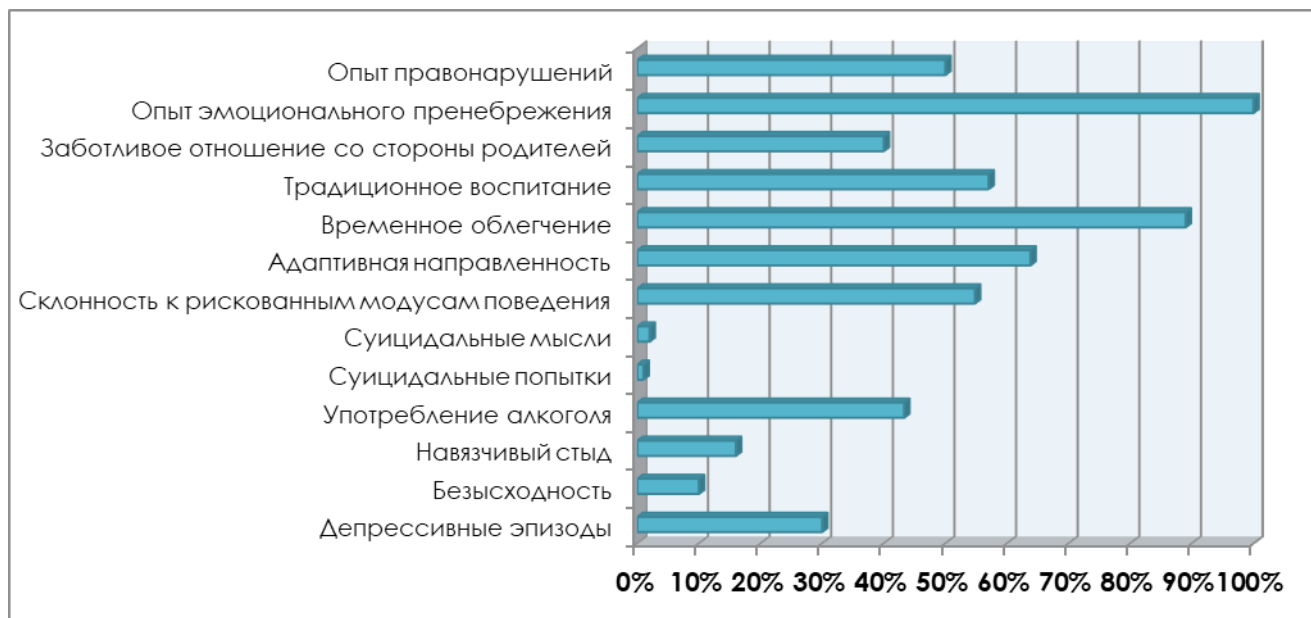

Рисунок 1. Результаты, полученные по авторской анкете.

Нанесение первых татуировок использовалось участниками опроса для того, чтобы справиться с трудной жизненной ситуацией (смерть близкого, развод родителей, несбывшиеся надежды и т. д. – 63,8 %). Временное облегчение при этом получили почти все участники опроса (89 %), приняли решение нанести еще одну татуировку сразу (76 %), через какое-то время (84 %) (Рис. 2).

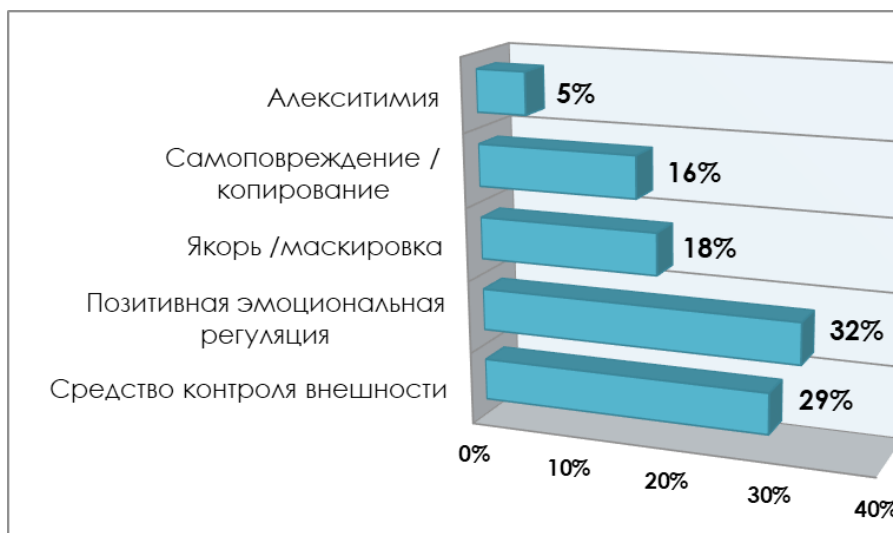

Рисунок 2. Предикторы аддитивного поведения.

Таким образом, наличие татуировок у молодых людей (юношей и девушек) тесно связано с высоким риском обнаружения у них паттернов как аддитивной, так и адаптивной направленности, склонности к авантурным или рискованным модусам поведения, к агрессивным и аутоагрессивным паттернам поведения. Описываемые выше данные согласуются с частотой обнаружения в исследуемой группе важных предикторов аддитивного поведения и специфическим набором психологических характеристик. Полученные данные расширяют наши представления о связи феноменов аддикции, агрессии и аутоагрессии со стремлением к модификации тела (нанесения тату).

Интервью выявили ряд закономерностей в том, как семья и воспитание – ранние отношения и опыт с основными опекунами (положительные или отрицательные), способствовали или тормозили психологическое развитие участников опроса, и как неблагоприятные жизненные события повлияли на развитие адаптивного или аддитивного поведения. Хотя почти все опрошенные участники испытали обычную родительскую опеку в первые годы своего становления, 50 % из них пережили развод родителей в детстве и впоследствии, в течение значительного периода времени, воспитывалась одним родителем или опекунами (родителями матери или отца). Из тех, кто подвергся традиционному воспитанию, чуть более половины респондентов (57 %) описали то, что каждый из них считал шаблоном доминантных отношений или отсутствия опеки и контроля, когда только один из родителей остался в семье. 40 % участников сообщили о заботливом или нейтральном отношении со стороны оставшегося родителя (или опекунов) в случае развода, потери родителя в результате болезни или несчастного случая. Конечно, неполная семья не обязательно становится причиной аддитивного

поведения, но делает его более вероятным. Было обнаружено, что, чем меньше заботы в процессе становления личности испытывал участник исследования, тем больше становилась вероятность появления навязчивой модели поведения. Неблагоприятные жизненные события проявились как переменная, влияющая на дальнейший путь развития.

Все участники опроса описали, что пережили какое-либо жизненное событие, включая эмоциональное, физическое и/или сексуальное пренебрежение/насилие в течение жизни, часто – хотя и не всегда – со стороны членов семьи. Некоторые описали эмоциональное и физическое пренебрежение/насилие со стороны своих основных опекунов, в то время как другие подвергались сексуальному насилию не в семье, а в среде существования. Также часто описывалась дисфункция в семье, например, не агрессия по отношению к самому участнику опроса, а наблюдение жестокого обращения с другим членом семьи, злоупотребление психоактивными веществами или психические/физические заболевания в семье. 50 % участников опроса также имели опыт взаимодействия с правоохранительными органами или органами опеки. Полученные данные предполагают, что пренебрежение, жестокое обращение и воздействие других травматических стрессоров в детстве, являются факторами риска аддиктивного и адаптивного поведения в подростковом и взрослом возрасте.

Другие сделали памятные татуировки после внезапной и неожиданной смерти в семье или другой психологической травмы. Эмоционально незрелые и неспособные понимать травму из-за ее чудовищности, подростки использовали татуировки как средство выражения горя, визуального и символического обозначения изменений. Хотя каждый участник прошел свой собственный тернистый путь к получению татуировки, общим знаменателем были недостаточно заботливое воспитание, неблагоприятные жизненные события и принятие субкультуры татуировок для того, чтобы отделить себя от общества и сформировать привязанность к субкультурной группе, что является адаптивным поведением. Их татуировки выполняли разные функции, и пять, хотя и перекрывающихся стратегий, были определены следующим образом: татуировки как средство контроля, перенос эмоций, якорь/маскировка, стратегия самоповреждения/копирования, и алекситимия (неспособность идентифицировать и описать чувства в себе) (Рис. 3).

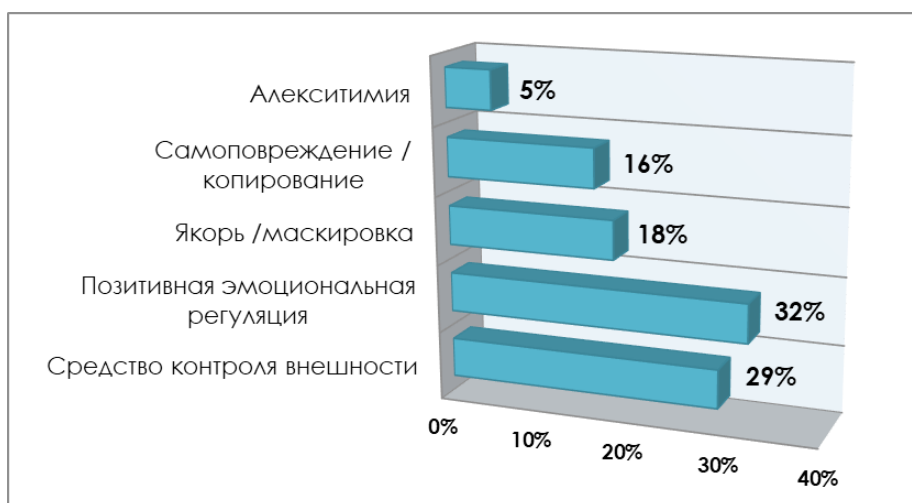

Рисунок 3. Функции татуировок, описанные участниками исследования.

Также оказалось, что по мере того, как процесс нанесения татуировки участником прогрессировал по интенсивности и частоте, функции, которые выполняла для него татуировка, также увеличивались. Проблемы негативного контроля часто рассматриваются как неадекватное поведение в ответ на дисфункциональное воспитание. Некоторые участники исследования (29 %) заявили, что функция их татуировок заключалась именно в том, чтобы контролировать свою внешность, и рассказали об удовольствии, которое они испытывали, принимая чужую реальность. Другие описывали использование татуировок как средства облегчения собственной боли посредством эйфории или смещения акцентов.

Далее в группе были участники, которые описывали членовредительство как средство облегчения внутреннего стыда или симптомов психического здоровья. Они наметили свой прогресс от членовредительства до приобретения татуировок с точки зрения предполагаемой стратегии позитивной эмоциональной регуляции. Все участники, которые описали функцию своих татуировок как алекситимию, пережили значительные неблагоприятные жизненные события в течение своей жизни, которые они не могли понять или сформулировать вербально. В отсутствие языка, на котором можно было бы озвучивать и описать свою травму, все участники сделали татуировки как средство создания истории, отмечая, что этот процесс может способствовать исцелению. Все участники, которые описали функцию татуировок как маску\якорь, испытали заброшенность, пренебрежение или жестокое обращение. Участники описывали свои татуировки как символическую маску, созданную в ответ на систематические оскорбления, которым они подвергались, и на пережитый в результате стыд. Хотя каждый участник действовал с разных мотивационных позиций, принцип был в основном одинаковым: представление ложного «Я» для защиты раненого «Я». Именно здесь можно увидеть, как татуировки могут отражать процесс привыкания, изначально представляя собой адаптивное поведение, которое перерастает в патологические отношения, которые имеют разрушительные для жизни последствия.

Учитывая, что большинство участников сделали свои первые татуировки в подростковом возрасте, в возрасте от 20 до 47 лет, включая пятерых в возрасте 40 лет, пятерых в возрасте 30 лет и восьмерых в возрасте больше 20 лет, на момент интервью, все участники были сильно татуированы и подтверждали, что планируют нанести новые татуировки. Более половины заявили, что не намерены прекращать до тех пор, пока у них не кончится кожа или они не закроют предыдущие татуировки, что свидетельствует как об эскалации, так и об интенсивности аддикции. Возможно, самым явным свидетельством нанесения татуировок в ущерб себе было влияние татуировок участника на общество, с точки зрения того, как они воспринимались, принимались и определяли отношения.

Обсуждение результатов

Исследование возникло из-за необходимости понимания психологических функций, которые татуировки выполняют для клиентов, прежде чем рассматривать их нанесение как отклонение и патологию. Придавая значение татуировкам человека, обсуждая цели и мотивы их нанесения, психолог может включить их в терапевтические отношения как еще один способ осмыслить и понять личность клиента. Предоставляя клиенту возможность поделиться своими рассказами о татуировках вместо того, чтобы навязывать свои собственные интерпретации, предубеждения или другие негативные атрибуты, психолог сможет способствовать пониманию клиентом своих проблем, предлагая альтернативную психодинамическую концептуализацию своих татуированных клиентов, основанную на знании целей и мотивов.

Результаты исследования показали, что большинство участников опроса получили свою первую татуировку в подростковом возрасте (13–21 год), что подтверждает широко распространенное мнение о том, что первоначальное нанесение татуировки в современных коллективистских обществах обычно на каком-то уровне выступает в качестве подросткового обряда инициации, перехода, когда подростки борются за собственную идентичность и контроль над своими меняющимися телами. Все респонденты были опрошены относительно мотивов для нанесения татуировок, а также любого значения, которое они придают определенным знакам и символам. Результаты опроса показали, что мотивы для нанесения татуировки очень индивидуальны и разнообразны, как и сами респонденты. В то время как причины для тех, кто получил татуировки в подростковом возрасте, согласовывались с выводами предыдущих исследований (Воробьева, 2016; Медникова, 2007; Макарова, Тищенко, 2021), мотивы татуировок, приобретенных после 30 лет, были столь же красочными и разнообразными у респондентов данного исследования. 50 % опрошенных описали свое первоначальное получение татуировки как обряд посвящения; хотя некоторые не сформулировали явно эту связь, в их описаниях себя в подростковом возрасте она оказалась неявной. Учитывая, что половина участников исследования описала свое первоначальное нанесение татуировки как подростковый обряд посвящения, они ожидали, что после выполнения данного обряда наступит облегчение, ситуация улучшится, напряжение спадет. Однако выяснилось, что стимулируемое особенностями окружающей среды, нанесение татуировок выполняло другие функции, а именно функцию якоря, маски и символа перемен, независимо от переходной вехи. Некоторые участники обсуждали концепцию татуировки как якоря, отмечающего особые воспоминания о стабильности, что резко контрастирует с нерегулярным воспитанием, которое они получали в семье. Некоторые исследователи разработали концепцию татуировки как маски либо перехода от рисования на бумаге к собственной коже; к подражанию агрессивным, мускулистым мужчинам с татуировками в сообществе в качестве средства защиты от насилия и/или подстрекательства к нему (Овсянникова, 2017; Федорова, Жукова, 2020). Наше исследование определяло не только мотивы для нанесения татуировок, но и что эти татуировки означают для поведения респондентов во взрослой жизни, учитывая то социальное значение, которое придается татуировкам в обществе (определенное социальное клеймо, которое сопровождает татуировки), а также рекомендации, которые предлагают психологу определенное поведение при столкновении с сильно татуированным клиентом для оказания ему помощи в решении его проблем.

Заключение

Это исследование проясняет сложные и разнообразные мотивы тех, кто делает несколько татуировок. Были выявлены общие черты личности, в том числе высокая потребность в уникальности и низкая потребность в соответствии. Также были отмечены некоторые гендерно-специфические мотивы, которые требуют дальнейшего изучения (демографические данные не принимались в расчет в данном исследовании). Полученные данные могут помочь снизить стигму в отношении татуированных людей и дать больше информации психологам, которые взаимодействуют с этой группой населения.

Второстепенные мотивы в данном исследовании включали противодействие социуму и стремление не соответствовать его требованиям и стандартам, формирование идентичности, уникальности, и следование моде. Хотя участники испытали осуждение социума из-за

своего боди-арта, они не сожалели о том, что сделали татуировку. Татуировка использовалась ими, чтобы отразить личностные предпочтения или жизненный опыт. Респонденты выразили высокую потребность в самоидентификации и уникальности, а также подтвердили желание расширить свои коллекции татуировок, не останавливаясь на достигнутом.

Идея исследования исходит из его гипотезы: нанесение татуировок потенциально можно рассматривать как аддиктивное поведение, в основе которого лежит детско-подростковая травма. Общей характеристикой участников исследования была эмоциональная незрелость как следствие травмы в отношениях со стороны семьи или опекуна, часто усугубляемой значительными неблагоприятными жизненными событиями. Татуировки, таким образом, можно рассматривать как символическую версию легендарного «Я», через которую люди могут сообщать о своей идентичности и переживаниях, включая детскую травму (Sundberg, Kjellman, 2018). Это не является удивительным, поскольку, учитывая, что развитие участников, как правило, задерживалось в годы их становления, истории их жизни становятся визуальными образами, нанесенными на собственное тело. Выяснив происхождение символического нарратива человека, можно создать физиологическую дорожную карту и заполнить пробелы. Некоторый дискурс становится символическим, он может быть использован для поддержания границ дискурсивного поля, где границы являются зонами ограниченного понимания или полного непонимания в беседе с психологом (Woodstock, 2014).

Для некоторых участников исследования важным являлся сам акт нанесения татуировки с точки зрения метафорического и символического захвата контроля над ситуацией, которого у них изначально не было. По сути, это акт членовредительства, но произведенный жизнеутверждающим образом. В то время как функции татуировок служат многим целям, каждая из которых вытекает из отдельной мотивации/травмы, общей темой является то, что они служат результатом и признаком жестокого обращения и пренебрежения в детстве. Это может стать важным подспорьем для психолога с точки зрения использования альтернативных средств коммуникации через визуальные образы, которые могут как помочь терапевтическому альянсу, так и создать новый жизнеутверждающий рассказ, но уже в реальной жизни.

Литература

- Барановский, В. А. (2001). *Искусство татуировки*. М: Славянский дом книги.
- Бацанова, С. В. (2013). Телесность как индивидуальный проект. *В мире научных открытий*, 11-3(47), 217–222.
- Бекетова, Е. С. (2016). Выявление личностной проблематики субъекта средствами глубинно-психологического анализа татуировок. *Гуманитарно-педагогическое образование*, 2(2), 10–15.
- Воробьева, Е. С. (2016). Татуирование как объект социологического исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(3), 148–161.
- Ионина О. В. (2019). *Диагностический портфель для определения склонности к аддиктивному поведению*. Тула: ГУ ТО Региональный центр «Развитие».
- Курочкина, Л. Я., Петрушина, В. Н. (2013). Концепция власти М. Фуко. *Вестник Воронежского государственного технического университета*, 9(6–1), 116–119.
- Макарова, Е. А., Тищенко, И. А. (2021). Татуировка как одна из модификаций тела и мотивационные установки для ее нанесения. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 2(34), 88–92.

- Медникова, М. Б. (2007). *Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник*. М: Языки славянской культуры.
- Новгородова, Е. Ф. (2017). Особенности субъективного благополучия обладателей татуировок. *Молодой ученый*, 15(149), 536–540.
- Овсянникова, О. А. (2017). Татуировка как социокультурное явление. *Наука. Общество. Государство*, 5(1(17)), 169–173.
- Федорова, А. А., Жукова, К. В. (2020). Личностные особенности лиц юношеского возраста, имеющих татуировки. *Молодой ученый*, 2(292), 220–223.
- Шнырёва, О. А. (2009). Татуировка как социальное письмо. *Вестник Удмурдского университета*, 1, 103–106.
- Mellody, P. (2003). *Facing Codependence, What It Is, Where It Comes From, How It Sabotages Our Lives*. New York: Harper Collins.
- Sundberg, K., Kjellman, U. (2018). The tattoo as a document. *Journal of Documentation*, 74(1), 18–35. doi: <https://doi.org/10.1108/JD-03-2017-0043>
- Woodstock, L. (2014). Tattoo therapy: Storying the self on reality TV in neoliberal times. *The Journal of Popular Culture*, 47(4), 780–799. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5931.2011.00814.x>

References

- Baranovsky, V. A. (2001). *Tattoo Art*. Moscow: Slavic Book House. (in Russ.).
- Batsanova, S. V. (2013). Physicality as an individual project. *In the world of scientific discoveries*, 11-3(47), 217–222. (in Russ.).
- Beketova, E. S. (2016). Identification of the subject's personal problems by means of in-depth psychological analysis of tattoos. *Humanitarian and Pedagogical Education*, 2(2), 10–15. (in Russ.).
- Fedorova, A. A., Zhukova, K. V. (2020). Personality characteristics of adolescents with tattoos. *Young scientist*, 2(292), 220–223. (in Russ.).
- Ionina, O. V. (2019). *Diagnostic portfolio for determining the propensity for addictive behavior*. Tula: GU TO Regional Center «Development». (in Russ.).
- Kurochkina, L. Y., Petrushina, V. N. (2013). M. Foucault's concept of power. *Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 9(6–1), 116–119. (in Russ.).
- Makarova, E. A., Tishchenko, I. A. (2021). Tattoo as one of the body modifications and motivational settings for its application. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2(34), 88–92. (in Russ.).
- Mednikova, M. B. (2007). *Indelible signs: tattoo as a historical source*. Moscow: Slavic Culture Languages. (in Russ.).
- Mellody, P. (2003). *Facing Codependence, What It Is, Where It Comes From, How It Sabotages Our Lives*. New York: Harper Collins.
- Novgorodova, E. F. (2017). Features of the subjective well-being of tattoo owners. *Young scientist*, 15(149), 536–540. (in Russ.).
- Ovsyannikova, O. A. (2017). Tattoo as a socio-cultural phenomenon. *Science. Society. State*, 5(1(17)), 169–173. (in Russ.).
- Shnyreva, O. A. (2009). Tattoo as a social letter. *Bulletin of the Udmurt University*, 1, 103–106. (in Russ.).
- Sundberg, K., Kjellman, U. (2018). The tattoo as a document. *Journal of Documentation*, 74(1), 18–35. doi: <https://doi.org/10.1108/JD-03-2017-0043>

Vorobieva, E. S. (2016). Tattooing as an object of sociological research. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 19(3), 148–161. (in Russ.).

Woodstock, L. (2014). Tattoo therapy: Storying the self on reality TV in neoliberal times. *The Journal of Popular Culture*, 47(4), 780–799. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5931.2011.00814.x>

Информация об авторах

Елена Александровна Макарова – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация. E-mail: makarova.h@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5784-9430>.

Иван Анатольевич Тищенко – аспирант, Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация. E-mail: advokat.tagan46@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-7400>.

Author Information

Elena Aleksandrovna Makarova – Dr. Sci. (Psychology), Professor of the Department of General and Counseling Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: makarova.h@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5784-9430>.

Ivan Anatolievich Tishchenko – graduate student, Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation. E-mail: advokat.tagan46@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-7400>.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.